

Духовные искания

Мой переход из МВТУ в НПО «Энергия» совпал с началом внутреннего кризиса – кризиса 30-летия. У меня закончился длившийся 13 лет, с начала студенческой жизни, период сумасшедшей занятости, появилось время, и я, выражаясь словами Платона, «начал в голову думать». Меня толкал вперед духовный голод.

Началось интенсивное освоение художественной, исторической, философской и экономической литературы под идейным руководством известного библиофила и лоцмана в книжном море Юрия Андреевича Абрамова, будущего профессора и заведующего кафедрой общей экономической теории МГТУ.

Абрамов составил мне список книг для чтения. Благодаря ему я узнал имена философа Лосева, писателя Волкова, литературоведа Палиевского. Мы разбирали с ним математические тетради Маркса и «Слово о законе и благодати» Иллариона. Однажды, во время поездки на семинар книголюбов в Петрозаводск, он рассказал мне о трудах Елены Блаватской. С этого началось мое увлечение эзотерикой. Я искал истину в писаниях Елены Ивановны Рерих (директор музея Рерихов в Нью-Йорке Даниэль Энтин познакомил меня даже с оригиналами ее дневников), читал Анни Безант и Алису Бейли. Потом пришла очередь Карлоса Кастанеды (в Мехико пытался найти следы дона Хуана), Шри Ауробиндо (посетил в Дели ашрам великого мыслителя), Карла Юнга (шел по его следам в штате Нью-Мехико), Даниила Андреева с его «Розой Мира». С поэтом Валентином Сидоровым на Мировом конгрессе религий в Алма-Ате в 1993 году пытался обсудить замысел постройки в Уймонской долине Горного Алтая междисциплинарного института – Мирового центра космической философии. Но Сидорову перевод в практическую плоскость мыслей, созвучных, как оказалось, его собственным идеям, не пришелся по душе, и он быстро прервал разговор.

Я нашел единомышленников в Барнауле – это были Михаил Шишин и Ирина Фотиева, основатели Рериховского центра «Корона Сердца». Позднее к ним присоединился философ из Москвы Андрей Иванов. Мы все были ровесниками, горели желанием изменить к лучшему этот мир и быстро нашли общий язык. Задумали и начали организовывать серию конференций «Алтай-Космос-Микрокосм».

Наш мегапроект (мы «скромно» называли его Алтайским) имел в качестве дальней цели создание МЦКФ. Промежуточными шагами были упомянутые конференции, учреждение «Института Уймонской долины» и формирование научного ядра, начало систематической исследовательской деятельности. Читателей, желающих узнать больше

об Алтайском проекте, отсылаю к публикациям¹. Здесь же рассказываю о собственных духовных исканиях.

Сосредоточенность моих барнаульских партнеров по проекту почти исключительно на Агни-йоге меня не устраивала. Мне казалось, говоря словами Ленина, что нужно «обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Наши разногласия приведут к тому, что я выйду из проекта. Впрочем, сегодня я понимаю, что был несправедлив в своей оценке товарищей. Все трое – Иванов, Фотиева и Шишин смогли пройти большой путь, стали докторами философских наук.

Я шел к Богу своим путем. Православная традиция мне была незнакома. Здесь нечему удивляться, если взять в расчет образование, полученное мною в советской средней и высшей школе. Прошло совсем немного времени с тех пор, как я был комсомольским активистом и секретарем крупной вузовской организации, членом Центрального комитета комсомола. Таким образом, я, что называется, шел издалека, от крепко усвоенного диалектического материализма. Зато мое богоискательство было не показным, но искренним и упорным.

Временами я договаривался до чудовищной гордыни, чему немало способствовало проснувшееся во мне, усиленное Алтаем поэтическое начало, ощущение молодой и дерзкой силы:

Зачем мне Будда, зачем Христос?

Хочу, чтоб к Богу меня вознес

Мой дух! Я волен в учителях.

Я сам купаюсь в иных мирах.

Писанья плоче вибраций дня.

Я сам желаю вкусить огня!

Навстречу новый восходит век.

Я – Бог! Я – вера! Я – человек!

Я знал, что православная церковь смотрит неоднозначно на эзотерику и Агни-йогу, неоднозначно относится к визионерству, яркий пример которого дал Даниил Андреев. Но мне казалось, что лучшие интеллектуальные и духовные силы сегодня находятся в светском обществе. Богатейшего духовного наследия христианства я, повторяю, еще не знал и стремился на Восток. На алтайских конференциях мы обосновывали наступление эры духовно-экологической цивилизации.

---

¹ Жуков С.А. Заметки об Алтайском проекте. //Тезисы 1 и 2 конференций «Алтай-Космос-Микрокосм».

В самый разгар Алтайского проекта, в день своего 36-летия, я крестился в Коломне, в церкви, уже много веков стоящей на площади, где князь Дмитрий Донской проводил смотр своего воинства перед выступлением навстречу хану Мамаю. Я родился 8 сентября по новому стилю, и, несмотря на то, что Куликовская битва случилась восьмого сентября *по старому*, всегда ощущал в себе силу этого древнего боя. А Сергей Радонежский – мой святой. Так решил я сам, не помню уже когда, просто так проступило во мне как нечто бесспорное.

В те годы подумывал и о том, чтоб уйти в монастырь. Напряженно читал жития святых старцев, искал ответ на вопрос о выборе пути в «Розе Мира». Помните, он пишет: если вы чувствуете в своей душе дар святости, идите в монастырь. Если нет – создавайте семью. Пусть для желающих встать на путь монашества будет назначен испытательный срок. Если в течение этого срока ищущего начнет мучить сожаление об упущенных в миру возможностях, о жене и детях, он должен вернуться, не испытывая при этом ничьего осуждения.

К этому времени Бог уже дал мне невесту, но я, чувствуя в своей душе любовь к ней, все же сомневался, имею ли я право создавать семью. Любовь, как мне тогда казалось, вставала поперек творчества и духовного пути, который сильно притягивал меня! Не успев по-настоящему заняться художественным литературным творчеством, я уже поглядывал в сторону более высокого поприща – проповедничества. В итоге... ломал дрова на земном плане своей жизни. Я убегал почти что из-под венца, дважды драпал от своей невесты, каждый раз исчезая на год! Это была элементарная трусость, стремление увильнуть от той ответственности, которую на меня уже возложила судьба.

Я удирал для того, чтобы встать на духовный путь. Но растущее чувство ужаса, тем более сильное, чем дальше я уходил от своей Татьяны, в конце концов заставило меня вернуться. Во время своих побегов я вытирал со лба смертный пот, невидимый другим людям, но ощутимый мною. Во мне зрело отчетливое ощущение: там, где *она* – там жизнь, а в противоположном направлении – смерть.

Так я понял, что не создан для монастыря. Это означало, что мне суждено создать семью и идти к Богу мирским путем. Внутренне я считал мирской путь как бы «второсортным», а себя – недостаточно сильным для духовной дороги. Но ведь были женаты Рерихи! Им-то семейный союз не помешал, а, напротив, усилил обоих! Жена не одобряла моих страданий, говорила: посмотри, как много вокруг достойных, а порой и великих людей. Они, по-твоему, не духовны? Много позже я прочел высказывание современного святого, старца Паисия Святогорца, о том, что пути монаха и мирянина

равноценны для Бога, важно лишь, как человек проходит свой путь. «В каждом пути есть своя горечь, но ее смягчает сладчайший Иисус...». Это меня утешило.

Семью надо было кормить. Эта нужда вернула меня к делу, внешней деятельности. Но возвратился к деятельности я уже иным, не прежним. Эпоха Алтайского проекта изменила мое мышление. Напряженные духовные поиски, беды и страдания, отдельные мистические переживания, об одном из которых речь пойдет ниже, наделили меня до некоторой степени способностью угадывать будущее – причем не свое и не отдельных людей, а больших групп людей, их деятельности. А может быть, это было и раньше, только обострилось.

В личном плане работа над Алтайским проектом дала мне более широкое мировоззрение, обострила интуицию, обогатила знанием основ восточных философско-религиозных учений. Выйдя из проекта, я решил, что опять вернуться к активной деятельности, прежде всего, в космонавтике, но уже с более широким, более объемлющим сознанием. Оно должно помочь мне в достижении целей, которые перед собой ставлю. Но в самой идее Алтайского проекта, по моему убеждению, дано поручение, которое я пока не выполнил. Я должен к нему вернуться! После полета в Космос...

Опишу теперь один случай, когда меня коснулся Планетарный Дух. Это произошло в феврале 1995 года в Гималаях и в некоторой степени изменило мое сознание, а, следовательно, и дальнейшую судьбу.

По приглашению госпожи Кэрол Брюс, путешествующей англичанки, активной участницы Алтайского проекта, я посетил Индию. Одним из пунктов нашей программы был город Дарджилинг. Мы летели на самолете внутренних авиалиний из Дели в княжество Сикким. По левому борту высились колоссальные вершины Гималаев. «Восьмитысячники» были как на ладони. Величественное зрелище!

В аэропорту среди местных таксистов развернулась настоящая битва за право вести нас в Дарджилинг. Ее выиграл сухощавый горец лет пятидесяти. Он посадил нас в лицензионную «Победу» китайского производства (название марки автомашины я не помню). Вскоре мы уже поднимались по неширокому горному серпантину. Ландшафта таких размеров мне еще не приходилось видеть. Это напоминало вершины и ущелья Главного Кавказского хребта, только увеличенные в размерах в два или три раза. Электрическим звуковым сигналом наша китайская «Победа» не была оборудована, поэтому при подъезде к очередному «глухому» повороту наш горный таксист энергично давил на резиновую грушу, издававшую хриловатый посвист. Иногда из-за скалы, укрывавшей от глаза продолжение дороги, раздавался ответный гудок. Тогда наша машина замедляла ход, сдавала вправо так, что, казалось, правое колесо повисало над

пропастью, и медленно ползла вверх. Порою встречное транспортное средство останавливалось, пропуская идущий снизу автомобиль.

Кэрол старалась не смотреть вниз: одно неверное движение рулем, и мы кувыркались бы в пропасть не менее километра!

Часа через четыре такого продвижения вверх, с одной остановкой на чашку соленого тибетского чая с молоком, мы прибыли в Дарджилинг и остановились в небольшом отеле, устроенном на местный лад. Поужинав тушеным мясом с овощами и запив еду отвратительным кислым пивом, мы прошли в отведенную нам комнату.

Нас было трое: шестидесятилетняя англичанка, молодой врач Анатолий из Томска и я. Номер, который нам отвели, представлял длинную неширокую залу, больше напоминавшую коридор, где через продолжительные промежутки были установлены три кровати. Комната освещалась только огнем жарко пылавшего камина. По углам было холодно, поэтому мы, не сговариваясь, подошли к камину.

Вдруг нас охватило необычное волнение. Всех троих сразу. Мы возбужденно стали говорить друг с другом, и не сразу осознали необычность того обстоятельства, что прекрасно понимаем друг друга. Что это был за язык? Позже мы не могли вспомнить. Кэрол не знала русского, Анатолий в обычной жизни не мог и двух фраз связать по-английски, а я, хоть изъяснялся на английском вполне сносно, но все же не так свободно, как в эту минуту странного возбуждения. Потом я понял, что знаю *все обо всем*. То есть, достаточно было подумать о чем-то или о ком-то, направить фокус внимания на тот или предмет, и ты мог видеть его настоящее, прошлое и будущее. Странные, глобальные картины разворачивались перед моим мысленным взором. Это напоминало карту Земли на сайте Google, которую можно поворачивать как бы с высоты космического полета, а можно спускаться вниз и увеличивать изображение любой точки.

Я уловил, что через мой мозг как бы течет прохладный ручей, словно бы я находился в чистом, прозрачном горном потоке. Поток не был видим, но явственно ощущался. Я поделился открытием с своими спутниками. Они чувствовали то же самое! И это было воздействие горы, могучей Канченджанги, возвышавшейся неподалеку, но скрытой от нас ночью тьмой. Во всяком случае, мы были уверены, что это так.

Не знаю точно, сколько это длилось. Наверное, минут сорок. Все это время мы говорили непрерывно, одновременно, восторженно и отлично понимали друг друга. Понемногу возбуждение стало спадать. Невидимый поток прекратился. Мы вернулись к своим обычным лингвистическим арсеналам и способностям. Но в нас поселилось некое новое знание, в каждом свое, которое еще предстояло разархивировать, пережить и осмыслить. Долго еще мы сидели у камина, потрясенные и умиротворенные

одновременно. Нам предстояли два часа сна и подъем на джипе к смотровой площадке, откуда виден был рассвет, освещающий Канченджангу. Это было невероятное по мощи и красоте зрелище. Фиолетовая громада горы постепенно выступала из тьмы под напором восходящего, еще не видимого за скалами Солнца. Далеко внизу мерцал электрическими огоньками город Дарджилинг. Но Дух гор больше не разговаривал с нами. Царственная Канченджанга уже сделала свой редкий подарок – из разряда тех, которые англичане зовут life time chance.

Размышляя позже над этим удивительным переживанием, я сопоставляю его с откровениями, снисходившими на Даниила Андреева. Поэт получал как бы некий импульс, похожий на архивированный файл высокой плотности, а позднее годами расшифровывал и поэтически переосмысливал полученную информацию. Вся эта работа проводилась им в своем сознании (куда и пришла драгоценная «посылка»). Результаты бдений художника, совпавшие по времени с его пребыванием во Владимирском центре, стали удивительным полотном реальной и мистической истории России, изложенной в «Розе Мира».

Чему же научила меня та гималайская встреча с планетарным Сознанием? Возможно, она открыла во мне человека. Во всяком случае, я уже не был прежним. Чему научился? Например, способности идти к своей мечте, не раздражаясь от возникающих препятствий и никого не обвиняя. Полагаю, что открылся сердечный центр. И еще новое знание возникло во мне, о котором умолчу. До поры.

Видимо, такие вторжения пространства (Природы, Космоса) в человеческое сознание не так уж редки. Сергей Кричевский опубликовал статью о необычных сновидениях в космосе², составленную на основе рассказов летавших космонавтов. Похоже на описанный выше опыт, только происходило во сне. Человек мог заснуть ненадолго, но получал яркое и насыщенное сновидение, отличавшееся от обычных земных и космических снов. Ему казалось, будто спал он несколько часов. Информация, полученная во сне, была индивидуальной и чрезвычайно важной для человека. Один плучал сведения о личной жизни, другой – о профессиональной деятельности, третьему поступало указание на то, чем ему следовало заняться в будущем, пусть бы это и требовало от него поворота на жизненном пути. И каждый из космонавтов осознал

---

² Кричевский С.В. О необычных фантастических состояниях-сновидениях, возникавших у людей в космических полетах на околоземной орбите // В кн.: Кричевский С.В. Земнокрылая душа. Стихотворения, очерки. – М.: Интер-Весы, 1996. С.27-31.; см также: <http://avvakul.ru/index.php?id=9&p=0&pid=2>

явление как нечто неординарное, как именно внешнее вторжение. Вот оно, касание Космоса!

...Через полтора года после упомянутой поездки в Индию за «расширением сознания» я учредил свою компанию – Центр передачи технологий, а еще через год вышел на рынок с новой услугой – инвентаризацией интеллектуальной собственности.

Так в чем состоит моя религиозно-философская концепция? Пожалуй, ее можно обозначить как научный теизм православного направления, при уважительном отношении ко всем религиозным традициям. В существовании высшего творящего начала, его присутствии в повседневной жизни я давно не сомневаюсь. Это не вера, это – знание! А что до моих духовных поисков, то их интенсивность снизилась с той поры, как больше 15 лет назад я вернулся к внешней деятельности. Но разве труд, забота о семье и соратниках, да и вообще жизнь в нашей российской действительности не требуют духовности и не выковывают ее? А летно-космическая практика тем более приводит к Богу. Летчики и космонавты религиозны в высоком смысле. Этому их учат риск и опыты Неба.